

Глеб Иванович Успенский

Мечтания



Скучающая публика

Глеб Успенский

Мечтания

«Public Domain»

1884

Успенский Г. И.

Мечтания / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1884 — (Скучающая публика)

«...– Ну так как же по-вашему? Всем надо пахать приниматься? – с бесконечнейшей иронией спрашивали меня некоторые из моих читателей, сосредоточивая в этом коротком вопросе весь смысл статейки, написанной по поводу рукописи крестьянина. Отвечать на этот вопрос я, разумеется, не мог иначе, как только молчанием, и притом молчанием смущенным. Не говоря уже о том, что утвердительный ответ на этот вопрос для великого множества интеллигентных людей есть не более, как непонятный, глупый, а пожалуй, даже и преступный вздор; что для другого, не менее великого «множества» той же интеллигенции этот ответ есть только досадная, неприятная болтовня, совершенно напрасная трата пустых слов, осуществить которые на деле невозможно, немислимо...»

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

Мечтания

1

– Ну так как же по-вашему? Всем надо пахать приниматься? – с бесконечнейшей иронией спрашивали меня некоторые из моих читателей, сосредоточивая в этом коротком вопросе весь смысл статейки, написанной по поводу рукописи крестьянина.

Отвечать на этот вопрос я, разумеется, не мог иначе, как только молчанием, и притом молчанием смущенным. Не говоря уже о том, что утвердительный ответ на этот вопрос для великого множества интеллигентных людей есть не более, как непонятный, глупый, а пожалуй, даже и преступный вздор; что для другого, не менее великого «множества» той же интеллигенции этот ответ есть только досадная, неприятная болтовня, совершенно напрасная трата пустых слов, осуществить которые на деле невозможно, немислимо, – не говоря обо всем этом, я не мог бы дать спрашивавшим меня читателям иного ответа, кроме смущенного молчания, еще и потому, что и сам я, пишущий это и восхищающийся произведением крестьянина, увы! не пошел бы пахать... Я воспитывался, как и все, гневно или иронически, или презрительно относящиеся к слову «пахать», интеллигентные люди, вовсе не в тех условиях, которые дали бы мне смелость, какую вполне законно обладает автор рукописи, сказать кому-нибудь из моих знакомых, живущих и живших со мною в одинаковых условиях: «Есть хлеб умел, когда тебе два года было, а работать и до сорока лет не научился?» Нет! Куда нам! Всем нам – и прямо негодующим на предложение крестьянина, и всем даже сочувствующим ему – в пору только удерживаться от явного проявления негодования «на дерзость» предложения, а в самом лучшем случае только смущаться и беспомощно разводить руками.

– Пахать! – сказал мне недавно один «настоящий» пахарь-мужик. – Пахать вашему здоровью никак невозможно... Силов у вас настоящих нет, и по этому случаю она, соха-то, может вас, господин, с единого маху на смерть положить... Соха-то, господин, норовит выскочить из земли, ей тоже не охота землю-то носом рыть, так ее бесперечь надо со всей силы пхать и в землю впирать руками... Ну, а тебе этого не осилить! Как лошадь дернула, соха подскочила, да прямо тебя в подбородок... Еще слава богу, коли скулу перешибет... Это еще надо бога благодарить, а, пожалуй, как бы и начисто не вышибло дух вон!.. Нет! Это не по вашей, господин, части дело-то!

Надеюсь, что доводы против осуществления на деле справедливейших теорий автора рукописи – доводы, которые далеко не исчерпываются вышеприведенными соображениями пахаря, подлинного знатока дела, – значительно облегчат смущенное состояние духа тех, кто смущается, сочувствуя. Но все мы, смущающиеся и совершенно бессильные *на деле* осуществить теории, которым в глубине души сочувствуем, едва ли будем особенно преступны, если позволим себе это «сочувствование», это внимание к типу людей, желающих жить «побожески», и не будем останавливать своей мысли, когда она пожелает уйти в мечтания о справедливых, простых, светлых и в то же время вполне человеческих, даже человеческих формах жизни.

Бисмарк недавно очень «пужал» германский парламент мечтателями¹, людьми, не имеющими никакого определенного плана устройства человеческих обществ и человеческих отношений, а только умеющими ворчать против того, что есть и что «можно» сделать. Бисмарк

¹ ...Бисмарк недавно очень «пужал» германский парламент мечтателями... – Успенский имеет в виду речь рейхсканцлера О. Бисмарка 10 мая 1884 г. в рейхстаге при обсуждении вопроса о продлении исключительного закона против социалистов.

грозились даже обещанием дать этим людям, не имеющим за душой ничего ясного и определенного, целую провинцию с тем, чтобы они попробовали осуществить на деле свои неясные мысли, и предсказывал полную безурядицу, как результат этого опыта «на деле». Это все верно, но почему бы в самом деле не попробовать, так, для смеха, например? Почему бы, повторяю, хоть для смеха не позволить людям, хоть в одной какой-нибудь крошечной германской провинции, попробовать пожить «по-божецки», а не так, как повелевают неумолимые «железные законы», по неотвратимому указанию и велению которых мы, людишки, влачим свое житышко с незапамятных времен? Мы очень хорошо знаем, что законы эти действительно железные; знаем, что они неумолимые, и не только ни малейшим образом не протестуем против них, но, напротив, с детских лет впитываем в себя несокрушимое к ним благоговение, неискоренимый страх и непоколебимую уверенность в их неизменности и даже правоте; и когда нас, выражаясь мужицким языком, история начнет дуть со щеки на щеку, во имя незыблемости «железных» начал, мы не только не сопротивляемся этому изувечению, но сами в глубине своего сознания с полной искренностью убеждаем себя, что это так и должно быть, что это – не мордобитие, а только фазис, неотвратимый и неизбежный. Мы отлично знаем, что без этого фазиса, во имя которого мы обречены почти на бездыханное состояние, железная часть истории никоим образом обойтись не может, что нас необходимо исполосовать на обе корки, иначе никоим образом не может быть следующего неотвратимого и неизбежного фазиса, когда железо повелит оттирать нос сукном, давать нюхать нашатырный спирт и прикажет отпаивать парным молоком... Все это мы знаем, все это мы всосали с молоком матери, все это мы докажем на основании самых подлинных документов, но отчего же не позволить себе, хоть так, для отдохновения, помечтать с особенной внимательностью на тему о том, почему бы господам железным законам не попробовать благодетельствовать род человеческий помощью парного молока и хоть на некоторое время, только для опыта, убрать куда-нибудь свое железо? На площади Согласия в Париже указывают направление канавы, которая сто лет тому назад была вырыта для того, чтобы в Сену стекала кровь человеческая... Вот какая была страсть господня... Что ж в конце-концов «досталось» от этого фазиса нам, простым «жителям», обывателям? «Дозволили» печь булки всякому, кто попросит разрешения, «заплатит за право», да богатым мужикам оказалось возможным за свои деньги землю покупать... И после этакой-то страсти да за свои еще деньги! А за последние пятьдесят лет чего-чего мы, обыватели, не перевидали! Одних революций по всем местам – видимо-невидимо! Денег что, господи, железные законы «вынули»! Один Бисмарк пять миллиардов получил излишних² против обыкновенных железных взысканий! А нам, обывателям, что? – «Довольно, говорят, с вас почтовых марок! В следующий фазис только по шести копеек будут!» И мы, обыватели, понимаем это, чувствуем и с благодарностью вопием: «Дай бог вам здоровья! Чувствительнейше вас благодарим, господа почтенные, законы железные!» А все иногда нет-нет, да и мелькнет мысль: «да нельзя ли как-нибудь хоть для смеха попробовать, чтобы насчет булок и насчет, например, почтовых марок, да и земельки так распорядиться, чтобы на предбудущее время без этакой страсти господней доставались они нашему брату, простому жителю?»

На такие смелые мысли почти ежедневно наводит меня наш буфетчик. Как только мне случится приехать на станцию, непременно я слышу, что эта длинная, измученная, испитая фигура уж вопиет перед кем-нибудь из посетителей:

– Ничего не поделаешь! Нет никаких способов! Хошь ложись да умирай!

– Да неужто уж и корюхой торговать невозможно?

– Никаких нет способов! Из всех местов только и видишь, что отказывают да штрафуют; как есть по миру пойдешь!

² *Один Бисмарк пять миллиардов получил излишних...* – Речь идет о контрибуции, получаемой Германией с Франции после франко-прусской войны 1870 года.

– Так ты, любезный, достигай до правительствующего сената!

– Да пожалуй что придется достигнуть и высшей инстанции! Вот она, корюха-то! (показывает тарелку с жареной корюшкой). Кажется, что такое? А продай я да попадись, так мне лучше петлю на шею! Вон что есть на свете под названием корюха!

– Так ты тово... доходи, любезный, до сената!

– Последнего решусь, все силы из себя до капли вымотаю, а надо доходить! У меня восемь человек детей... Мне что в петлю, что здесь торговать!..

И, нянчая на одной руке полугодowego плачущего ребенка, он другой рукой, за которую хватаются ручонками еле видные из-за буфета другие его ребятишки, в волнении прячет под стойку буфета тарелку с корюшкой, которая, как видите, хуже петли. А, кажется, чем бы мог провиниться против железных законов этот несчастный человек? Безропотно покорялся он им, когда ушел в качестве дворового на все четыре стороны, без земли и с кучей ребят, и, зная, как пекут пироги и жарят корюшку, весьма даже был обрадован, что железные законы водворили на Руси чугунок. «Буду, – мечтал он, – жарить корюшку, печь пироги, буду их продавать и семейство кормить. Хорошо, что прошла чугунок! Дай бог господам здоровья за эту выдумку...» Но те же железные законы, во имя существеннейшего своего свойства – «неумолимости», сделали так, что станцию с буфетом устроили в чистом поле, где был один только проезжающий – генерал Сидор Карпович Дворников, акционер и крупный землевладелец, а на той станции, где водворился дворовый, умевший жарить корюшку и печь пироги, и где скопьялась масса проезжающих, буфет воспретили, а чтобы заставить публику ездить в большой буфет и поддерживать требованием питий и закусок хозяина большого, хотя и пустынного буфета, создали целую систему взысканий, наказаний и штрафов, которые специальный железнодорожный адвокат взыскивал неукоснительно и преследовал виновного во всех инстанциях, не ограничиваясь даже правительствующим сенатом.

– Да чем же тебе, после этих твоих слов, торговать-то можно? – спрашивали истерзанного запрещенной корюшкой буфетчика.

– Чем? Погляди в правила... По семнадцатому параграфу могу я свободно продавать пряники, и то в зимнее время, да квас... А по дополнению к двадцать первому параграфу не возбранено и деревянные изделия на руках продавать...

– Да пирог-то, пирог-то... Ежели я, проезжающий, говорю тебе: «дай мне пирог с рыбой!» – это-то можешь ли ты по закону-то?

– А насчет пирога было кассационное решение, – так оно вот у меня где сидит! С рыбой! Онамедни, кабы жандар, добрый человек, не упредил меня, что тут агент надзирает, да не съел всю корюху, чтобы, значит, не было доказательств, так мне бы теперь, почитай, до рождества пришлось отсиживать в хорошем месте за это за самое. С рыбой! Вам это очень просто представляется, а поди-ко, на моем месте, так белугой взвоешь!

Этот почти ежедневный стон несчастного буфетчика заставлял меня также почти ежедневно невольно задавать себе мечтательные вопросы вроде того, почему бы, в самом деле, не похлопотать для человечества в том направлении, чтобы оно пекло булки и жарило корюшку, не утруждая правительствующего сената и не будучи вынуждено из-за них, этих пирогов и булок, лезть в петлю? Это незначительное обстоятельство едва ли не было главною причиною того, что я стал позволять себе частенько фантазировать на тему о жизни людей «по-божецки», а по временам мне стало казаться, что для русского народа можно уже кое-что даже и сделать в этом направлении, а не только фантазировать о том, что «хорошо бы!»

В самом деле: Марья Васильевна Лихоимцева, волею железных законов из ничтожества превращенная сто лет тому назад в помещицы, повинувшись тем же законам, повелевающим ей сохранять свое положение и достоинство, при освобождении крестьян всячески «должна» стремиться сделать все, чтобы этого достоинства и положения не потерять. И вот бывшие ее

крепостные, крестьяне деревни Горелово-Неелово³, получают нищенский надел, вместо лугов – болота, а вместо лесов – каменные горы; получают и вступают в неизбежный, железными законами установленный фазис, в течение которого они *должны* прийти в полное расстройство и вообще обязаны знать, что настало время, определяемое словами: «ложись да помирай!» Некоторые, точно, начинают ложиться и помирать. Но железные законы, отлично и непреложно знающие, «что за чем» пойдет и какой фазис будет последующий, а какой предыдущий, знают, что в данную минуту крестьяне Горелова-Неелова ложатся и умирают, что этот фазис обуславливает для них другой, последующий: и в Горелове-Неелове появляется фабрика, появляется она не раньше и не позже, а как раз минута в минуту, указанную железными законами. Появляется и, ни на волос этим законам не изменяя, начинает творить то, что по законам этим следует: крестьянин Иван Кузмичев идет на одну фабрику, жена – на другую, а дети, сын и дочь, – в Москву: один в извозчики (мальчонка), а другая «в прислуги». Фабрика начинает без церемонии переделывать Ивана Кузмичева и его жену на свой образец; ей, держащейся на законах неизменных и повинующейся им, нельзя сделать так, чтобы Иван Кузмичев с женой не повиновались ей: в кабаке сидеть и песни орать нельзя – это нарушает железные законы затраченного капитала, нельзя проспать, нельзя отлучиться, нельзя быть не напряженно внимательным. Пить водку, калякать нельзя попрежнему свободно, – за все штраф, а вместе со штрафом и злоба в Иване Кузмичеве, а вместе со злобой неизбежная потребность подавить ее (есть будет нечего) и, исхитрившись, провести эти железные законы, надуть, обмануть, тайком сделать то, что нельзя явно... Это уж разврат душевный, а за ним недалеко и физический – жены, семьи, детей нету; скучно, тошно, маятно, водка и все, что из нее следует, – вплоть до «лазарета». С женой Ивана Кузмичева творится то же самое; разврат фабричных баб известен и доказывать его существование незачем. А дети? Мишанька, одинокий парнишка, оставшийся почти что без отца и матери и без крова, ездил-ездил с седоками, возил-возил хозяину деньги – заскучал: конца краю нет этой каторге! Заскучал и задумался... Думал-думал, да раз оглядел у пьяного купца бумажник с деньгами, вытащил из-под сиденья колесный ключ... и угодил к Бутырской заставе, в казенный дом... А дочь? Сначала барин к ней приставал, когда барыни дома нет, потом из гостей один молодой человек стал подмигивать, звал на Тверской бульвар выйти... А потом мало-помалу и Тверской бульвар настал для нее, и билет из полиции выдали, а наконец и «лазарет». Все неизбежно вытекает из предыдущего, и каждая последующая гадость покоится на незыблемом основании и может быть доказана как неотвратимый фазис. По железному мирозерцанию все это хоть и скверно, и подлю, а неизбежно; этому ходу дела не поможешь никакими фантазиями. А вот автор рукописи не так смотрит на вещи. Отчего это явились на свет, спрашивает он, проститутка, вор, убийца, больной, пьяница? Оттого, что они не исполняют первородного закона, повелевающего жить не убийством, не проституцией, а трудами рук своих, на земле. Вот вам земля, работайте, и этот земледельческий труд так обширен и свят, что и мысли о зле, о хитрости, об обмане, о разврате или об убийстве не будет возможности зародиться по одному уж тому, что некогда, что занят весь человек.

³ ...крестьяне деревни Горелово-Неелово... – Успенский использует наименование деревни из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.